Александр Мазырин

К вопросу о русском факторе в срыве Всеправославного собора в 1920–1930-е гг.

Alexander Mazyrin

The Russian Factor in the Failure of the Pan-Orthodox Council in the 1920–1930s

Alexander Mazyrin — St. Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russia). am@pstbi.ru

The article explores the failed attempt of the all-Orthodox (Ecumenical) Council in the 1920–1930s through the prism of relations between the Constantinople Patriarchate, the Russian Church, and the Soviet government. In the situation of a strong Church discord in Russia, provoked by anti-religious policy of the Bolsheviks, the Patriarchate of Constantinople claimed the role of mediator between the Russian Church ("Tikhonovskaia") and the Pro-Soviet Renovationist schism. The Ecumenical Patriarchate tried to collaborate with Soviet authorities in attempts to unify "Tikhonites" and renovators so that they could participate at the prospected Ecumenical Council. However, the transition of Russian Western European parishes to Constantinople in 1931 caused strong negative reaction from both the Russian Church and Soviet authorities. Finally, the Soviet leadership did not authorize a united delegation to take part at the Inter-Orthodox Pre-Council meeting (Prosynod). The absence of the Russian Church made both Prosynod and the Ecumenical Council impossible.

Keywords: Pan-Orthodox (Ecumenical) Council, the Russian Orthodox Church, the Patriarchate of Constantinople, renovationist schism, Russian Western parishes, Commission on Cults in the Central Executive Committee, Stalin.

Тема Всеправославного собора за последние сто лет неоднократно приобретала повышенную актуальность, привлекая к себе интерес религиоведов и историков. В отечественной историографии наибольшее внимание уделено периоду оживления межправославных контактов в 1960-е гг., когда подготовку

к проведению Всеправославного собора со стороны Русской церкви возглавлял митрополит Никодим (Ротов)[1]. Между тем межправославная предсоборная активность была не менее значительной в 1920–1930-е гг., но Русская церковь тогда не могла принять в ней должное участие. По этой причине российские авторы если и упоминали о подготовке Всеправославного собора в межвоенный период, то, как правило, лишь вскользь, сосредотачиваясь преимущественно на послевоенном периоде[2]. Подобный подход трудно признать правильным, поскольку русский фактор и в событиях 1920–1930-х гг. играл важную роль и не в последнюю очередь обусловил срыв проведения собора.

В практическую плоскость вопрос о Всеправославном соборе был переведен на так называемом Всеправославном конгрессе (из девяти человек), прошедшем в Константинополе под председательством патриарха Мелетия (Метаксакиса) в мае 1923 года. Конгресс наметил ряд реформ, призванных облегчить унию с Англиканской церковью, в первую очередь календарную[3]. К тому моменту в результате военно-политических пертурбаций конца 1910-х — начала 1920-х гг. (поражение Османской империи в Первой мировой войне, попытка Греции существенно расширить свою территорию на восток и ее разгром армией Мустафы Кемаля) Вселенская патриархия оказалась на грани изгнания из Стамбула, что побуждало ее максимально сблизиться с англиканами и одновременно развернуть беспрецедентную экспансию в мировом масштабе с целью наполнить свое почетное титулование реальным содержанием — стать своего рода восточным Ватиканом, подчинив себе все остальные православные поместные церкви. Инструментом такого возвышения Фанара[4] и должен был стать Всеправославный (или, как его вскоре начали называть, Вселенский) собор.

Для Русской церкви затеваемые греками мероприятия были весьма несвоевременными. В мае 1922 г. во исполнение решения

1. См.: Митрополит Никодим (Ротов) и всеправославное единство / Сост. прот. В. Сорокин. СПб., 2008.
2. См.: *Скобей Г.Н.* Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 54–199.
3. См.: *Ермилов П.В.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 262–263.
4. Район Константинополя, в котором находится патриархия и по названию которого она неофициально именуется.

Политбюро РКП(б) в ней был спровоцирован так называемый обновленческий раскол. Отстраненный от церковной власти патриарх Московский Тихон (Беллавин) готовился предстать в качестве обвиняемого на показательном судебном процессе с фактически предрешенным смертным приговором. Однако пойти на расстрел Всероссийского патриарха партийное руководство не решилось. В июне 1923 г. он был освобожден, но в своей деятельности по управлению патриаршей церковью и особенно в осуществлении межцерковных контактов оказался весьма стесненным — в отличие от обновленцев, которые пользовались негласным покровительством со стороны советской власти[5].

Фанару разделение в Русской церкви было на руку, поскольку оно сильно подрывало ее позиции в православном мире и облегчало проведение в жизнь его планов по утверждению своих властных прерогатив. Московский представитель Вселенской патриархии архимандрит Иаков (Димопуло) сразу же проявил интерес к обновленцам (в частности, в августе 1922 г. принял участие в съезде так называемой «Живой церкви»). В свою очередь, и обновленцы за признание их законными представителями Русской церкви и поддержку в противостоянии патриарху Тихону готовы были содействовать реализации экспансионистской программы Константинополя и заявляли о своем полном подчинении Вселенскому престолу. Уровень взаимодействия обновленцев с фанариотами характеризуется уже тем, что архимандрит Василий (Димопуло) — племянник умершего в начале 1924 г. архимандрита Иакова, занявший его место, — состоял в обновленческом синоде, принимал участие во всех их важнейших мероприятиях и совершал с ними совместные богослужения[6].

Весной 1924 г. Фанар издал целый ряд угодных обновленцам и большевикам постановлений. Из Стамбула в Москву должна была отправиться «особая патриаршая комиссия», причем специально оговаривалось, что она «в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству». Одновременно Константино-

5. О роли партийно-советских органов в организации обновленческого раскола как средства борьбы с православной («тихоновской») церковью см.: *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. Кн. 1. Новосибирск–М., 1997. С. 34–37, 43–51.

6. Подробнее см.: *Мазырин А. В.* Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.

польский патриарх Григорий VII пожелал, чтобы патриарх Тихон «пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления церковью», и чтобы вообще московское патриаршество было упразднено — «как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»[7].

Очень выразительно, хотя и недипломатично действия Вселенской патриархии прокомментировал в июне 1924 г. управляющий русскими западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский) в письме архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру):

> Документально доказано, что Цареградская Патриархия действует в контакте с большевиками и при живейшем участии Евдокима [Мещерского, председателя обновленческого синода. — *А.М.*]. Подкладка такая: Патриархию выпирают из Конст[антинополя]; цепляясь за свое место, она хочет опереться на сов[етскую] власть, а последняя обещает ей поддержку под условием разложения нашей церковной организации за границей. Маклером в этом деле является Евдоким, который хочет привлечь Конст[антинополь]скую Ц[ерковь] для борьбы с П[атриархом] Тихоном. [...] Вы видите, какие папистические замыслы теперь зреют в Царьграде: там хотят подчинить себе Русскую Церковь, пользуясь нашим безвремением. Лакей Евдоким, лишь бы найти где себе опору, на все соглашается.

По мнению митрополита Евлогия, план Фанара заключался в том, чтобы «поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь. Большевики и прислужник их Евдоким всячески этому содействуют — первые, чтобы внести новую смуту и разложение в Церковь, а последний — чтобы там найти себе опору». «Надеюсь, — писал митрополит Евлогий архиепископу Иоанну, — что народ наш не пойдет за этими лукавыми и льстивыми греками, особенно если они свяжутся с Евдокимом»[8].

Прообновленческая политика Фанара привела к тому, что отношения между Константинопольской и Московской патриар-

7. Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1–2.

8. История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). В 2 т. / Подгот. изд., предисл. и коммент. Ю.Л. Сидякова. Тверь, 2015. Т. 2. С. 23–25.

хиями оказались фактически разорванными. Непонятно, каким образом в такой ситуации Русская церковь могла бы принять участие в организуемом Вселенским престолом соборе.

25 ноября 1924 г., через восемь дней после кончины патриарха Григория, Константинопольской патриархией архимандриту Василию (Димопуло) был направлен акт о созыве Вселенского собора в Иерусалиме в 1925 г. с предписанием «довести об этом до сведения тамошних надлежащих церковных кругов»[9]. Таковыми «кругами» для Димопуло были в первую очередь обновленцы, которые восприняли сообщение о грядущем соборе с большим энтузиазмом и деятельно принялись готовиться к участию в нем[10].

Патриарх Тихон, которого признавало абсолютное большинство паствы и духовенства Русской церкви, к проекту Вселенского собора отнесся скептически, но проигнорировать его не мог. Приходилось думать, кто представит Московский патриархат на этом соборе, если он состоится, и какие вопросы Русская церковь на нем выдвинет. К этому делу патриарх Тихон привлек известного патролога, профессора уже закрытой к тому времени Московской духовной академии И.В. Попова. Однако органы ОГПУ воспрепятствовали усилению международной активности Московской патриархии. Профессор Попов был арестован, а патриарх Тихон привлечен к новому следствию по делу «шпионской организации церковников». 21 марта 1925 г. патриарх был подвергнут допросу, причем, согласно протоколу, в первую очередь его спросили, кому он поручал «вопросы по подготовке к 8 вселенскому Собору». Патриарх Тихон ответил, что этот собор он Вселенским не считает, но думал послать на него профессора Попова «как церковного историка, в связи с этим поручил ему подготовиться по всем вопросам, которые будут обсуждаться на Соборе, в частности по вопросу о живоцерковном расколе»[11]. Вскоре после этого патриарх Тихон скончался, и «тихоновцам» на время стало не до межправославных собраний.

Трудности в продвижении к Вселенскому собору были не только у Русской церкви, но и у его главных инициаторов. Новый Все-

9. Извещение о вселенском соборе // Церковное Обновление. 1925. 28 янв. № 2. С. 10.

10. Подробнее см.: *Мазырин А.В.* «Восьмой Вселенский Собор» и обновленческий раскол в России // XXV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2015. С. 124–135.

11. Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 400.

ленский патриарх Константин VI управлял Константинопольской церковью немногим более месяца и уже в январе 1925 г. был выслан из Турции. Другие предстоятели поместных церквей призывали не спешить с собором. Так, Антиохийский патриарх Григорий IV писал в июле 1925 г. председателю русского зарубежного синода митрополиту Антонию (Храповицкому):

> Я получил братское послание возлюбленного Блаженнейшего брата Патриарха Сербского Димитрия по поводу проектируемого созыва в Иерусалиме в 1925 году Вселенского Собора с выражением мнения Св. Православной Сербской Церкви по этому вопросу. Сербская Церковь, как и наша Антиохийская, чувствует необходимость созыва Вселенского Собора для решения всех, волнующих умы и сердца верующих, церковных текущих вопросов, но в то же время находит, что неблагоприятные обстоятельства и стесненное положение некоторых автокефальных православных Церквей не позволяют им принимать живое, свободное участие в предполагаемом к созыву Вселенском Соборе, а потому считает необходимым, как и мы, повременить с созывом Вселенского Собора до более благоприятного времени[12].

В декабре 1925 г. Константинопольская патриархия в лице патриарха Василия III назначила новые дату и место проведения Вселенского собора — на Пятидесятницу 1926 года на Афоне. Архимандриту Василию (Димопуло) в очередной раз было предложено сообщить об этом решении «местным церковным кругам»[13]. Откликаясь на приглашение Фанара, пленум обновленческого синода при участии архимандрита Василия в апреле 1926 г. сформировал свою делегацию на Вселенский собор в количестве 12 человек[14].

Однако обновленцев постигло разочарование. 24 апреля 1926 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «о предстоящем Вселенском Соборе в Палестине», постановила:

12. От Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохи и всего Востока от 20 июня 1925 г. // Церковные ведомости. 1925. № 17–18. С. 4.
13. Извещение вселенского патриарха Василия III о созыве вселенского собора в 1926 г. // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 2.
14. Деяния Пленума Священного Синода православной Российской церкви с 16 по 21 апреля 1926 года (в извлечении) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 8–10.

«Посылку делегатов от русских церквей признать нецелесообразной»[15]. В действительности, собор намечался уже не в Палестине, а в Греции, но в данном случае важно не это, а то, что партийно-советские кураторы церковных дел сочли любое представительство на нем из России неуместным. Ранее их отношение к возможности выезда обновленческой делегации за рубеж было более снисходительным. Так, в сентябре 1923 г. начальник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ и по совместительству секретарь Антирелигиозной комиссии Е.А. Тучков писал председателю этой комиссии Е.М. Ярославскому, что обновленцы «намерены для подкрепления своего авторитета получить у Вселенского патриарха признание и для этого посылают в Турцию свою делегацию». При этом слово «посылают» было исправлено из первоначального зачеркнутого «намерены послать»[16]. Это можно понять так, что Тучков тогда считал вопрос об отправке обновленческой делегации за границу решенным, препятствий со стороны ГПУ не было. В 1926 г. ситуация, как видно, изменилась.

Не оставались безучастными к Вселенскому собору и русские эмигранты. Возглавлявший Русскую зарубежную церковь[17] митрополит Антоний (Храповицкий) в марте 1926 г. разослал предстоятелям поместных церквей грамоту, в которой писал:

> Мы не домогаемся участия на сем Соборе наших заграничных иерархов, ибо, помимо всего, считаем созыв Собора Вселенского в настоящее время неблаговременным. Но по архиерейской совести своей, долгом поставляем сообщить Вашему Святейшеству, что живоцерковники и обновленцы, а также украинские автокефалисты являются лжеепископами. Они откололись от Матери Церкви Российской, изменили священным канонам, извратили св. учение и предание Церкви Православной. Русский православный народ их не признает и за ними не идет и никогда не пойдет. [...] О каком же Соборе и о каких церковных реформах может быть речь в настоящее время, когда Российская Церковь, представляющая собою

15. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В. В. Лобанов. М., 2014. С. 184.

16. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 5.

17. Ее также именуют «карловацкой» по месту пребывания ее синода — в сербских Сремских Карловцах.

> 90% всего православного мира, так тяжко страдает, а истинные служители ее гонимы и преследуемы?[18]

Однако, вопреки опасениям «карловчан», Вселенский собор не состоялся и в 1926 году. Его проведению воспрепятствовало турецкое правительство, которое совершенно не сочувствовало планам Вселенской патриархии по укреплению ее международного положения. Как писали в русской эмигрантской прессе, «турецкие власти, запретив созыв Собора в Константинополе, заявили Вселенскому Патриарху, что ему не будет разрешено участие в каких бы то ни было собраниях в пределах чужой державы, и в случае выезда его и прочих греческих епископов из Константинополя никто из них не будет допущен обратно»[19].

В 1927 г. произошло существенное изменение в положении Московской патриархии. Возглавивший ее в должности заместителя патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский), заявив о своей политической солидарности с советской властью, смог получить некое подобие легализации учрежденного им синода. До того момента Фанар фактически манкировал патриаршей церковью в России по причине ее недостаточной легальности и предпочитал поддерживать официальные контакты с обновленческим синодом. После перехода митрополита Сергия на просоветские позиции Вселенскому престолу стало неудобно продолжать вести такую линию, и он обратился к Московской патриархии с призывом объединиться с обновленцами. «Так как, благодатию Божиею, теперь проникает всех в обеих ориентациях единый дух [...] и более не существует внешнего препятствия после легализации со стороны Государственной Власти и Вашего положения, мы поистине не видим, какое еще может создаться непреодолимое препятствие к общему рассмотрению и решению на общем соборе», — писал патриарх Василий митрополиту Сергию в декабре 1927 года[20]. Московская патриархия, однако, видела в обновленчестве не равночестную себе церковную «ориен-

18. Грамота Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей Святейшим Патриархам и прочим главам Православных Автокефальных Церквей от 17/30 марта с. г. // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 2–3.

19. *Махароблидзе Е.* К вопросу о созыве «8 Вселенского Собора» // Церковные ведомости. 1926. № 7–8. С. 11.

20. Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 2 (25). С. 2–3.

тацию», а безблагодатный раскол, от приверженцев которого требовалось принесение публичного покаяния[21].

Патриарх Василий скончался в сентябре 1929 г., не сумев провести не только Вселенский собор, но и предваряющее его Предсоборное совещание (Просинод). Новый патриарх Фотий II активизировал подготовку к собору, чему способствовало временное смягчение политики Турции в отношении Константинопольской патриархии[22]. Он сразу же вступил в переписку с обновленцами, которые пожелали ему довершить в наступающем 1930 г. «великое дело предшественника» — «созвать Вселенский Собор, столь необходимый для авторитетного решения назревших первостепенных вопросов жизни церковной»[23].

На Пасху 1930 г. обновленцы отправили патриарху Фотию очередное поздравление с выражением благодарности за то, что он не принял участия в прошедшей незадолго до того на Западе кампании в защиту Русской церкви: «Св. Синод глубоко признателен Вашему Всесвятейшеству за то, что вы не присоединили своего авторитетного голоса к этому концерту протестов». По поводу положения православной церкви в СССР обновленцы сообщали Вселенскому патриарху, что «она получает от Советской Власти возможность как для своего внешнего устроения, так и для внутреннего выявления, развития, роста и обновления»[24].

В июне 1930 г. на Афоне без участия представителей из России состоялось заседание Межправославной подготовительной комиссии. «Русский вопрос» стал на нем едва ли не центральным. Епископ Охридский Николай прямо заявил, что его Сербская

21. Патриарх Тихон в послании от 15 июля 1923 г. писал об обновленцах, что «все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе» (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 291). Аналогичные взгляды выражал и преемник патриарха Тихона патриарший местоблюститель митрополит Петр (см.: Там же. С. 420).

22. См.: *Ермилов П.В.* Константинопольская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 37. С. 269.

23. Грамота Св. Синода на территории СССР Вселенскому патриарху Фотию II // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 4.

24. Грамота Св. Синода Его Всесвятейшеству Патриарху Фотию II, Архиепископу Константинопольскому // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 3.

церковь заняла по нему «иную, нежели Вселенская Патриархия, линию». В ответ на идею фанариотов пригласить «обе группировки» («тихоновцев» и обновленцев) сербский епископ, указав на невозможность соединить их, предложил позвать русских эмигрантских митрополитов Антония и Евлогия. (Для обновленцев и большевиков это был бы наихудший вариант.) Представитель Румынской церкви епископ Тырговиштянский Тит заявил: «Мы положительно знаем, что "Живая Церковь" не является Православной, и если бы она смогла прибыть, то должна бы присутствовать не как равночестная нам, а как обвиняемая». Итогом работы Межправославной подготовительной комиссии стало составление каталога тем для обсуждения на предстоящем Просиноде, первой из которых был вопрос о Русской церкви. Комиссия настоятельно просила Вселенского патриарха «до созыва Предсобора сделать все, чтобы стало возможным присутствие на нем каким бы то ни было образом и представителей Русской Церкви — из самой России или из-за рубежа»[25].

Патриарх Фотий поставленную перед ним задачу попытался решить уже не новыми призывами к Московской патриархии объединиться с обновленцами. Добиться желаемого результата ему становилось еще сложнее из-за нового обострения отношений с Русской церковью вследствие дела митрополита Евлогия (Георгиевского), перешедшего в феврале 1931 г. в юрисдикцию Константинопольского патриарха. К такому шагу Евлогия, ранее весьма нелестно отзывавшегося о греках, подтолкнул конфликт с Московской патриархией, которая, по требованию советской власти, объявила о его увольнении. Не желавший расставаться с должностью управляющего западноевропейскими приходами и поддержанный в этом своим клиром и паствой, митрополит Евлогий обратился за поддержкой в Константинополь. Вселенский престол, который стремился подчинить себе русскую диаспору, не упустил удобного случая. Патриарх Фотий и его синод постановили, чтобы «все Русские Православные приходы в Европе [...] рассматривались бы впредь как составляющие временно единую особую экзархию Святейшего Патриаршего Вселенского Престола на территории Европы, непосредственно от него зависящую, под его покровительством находящуюся и в церковном отноше-

25. *Скобей Г. Н.* Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 67.

нии, где нужно, им руководимую»[26]. При этом с Московской патриархией переподчинение русских западноевропейских приходов согласовано не было.

Такая недружественная по отношению к Москве акция Вселенского престола вызвала недоумение и у представителей советской власти, о чем они дали понять архимандриту Василию (Димопуло), который перед этим на протяжении многих лет заверял их в расположенности его патриархии к СССР. Так, в октябре 1927 г. он писал во ВЦИК:

> Вселенская Патриархия, признав ныне существующий в России Государственный строй, приняв ряд энергичных мер против эмигрировавшего из России духовенства и против вредной для СССР деятельности последнего, имеет основание надеяться, что Правительство России проявит к ней надлежащее внимание и удовлетворением ходатайства Патриархии [вернуть ее прежнюю собственность в Москве. — А.М.] укрепит существующее сочувствие к себе со стороны как Вселенской Патриархии, так и со стороны трудящегося Востока[27].

В объяснение действий своей Патриархии архимандрит Василий направил председателю Комиссии по вопросам культов при ВЦИК П.Г. Смидовичу два письма подряд — 17 и 23 марта 1931 г. (митрополиту Сергию он по тому же вопросу написал 18 марта[28]). Димопуло писал Смидовичу:

> События недавнего прошлого потребовали со стороны Великой Христовой Церкви, как Матери всей Русской Церкви, в лице Вселенской Патриархии, особенно энергичного вмешательства для предотвращения усилившихся и обострившихся за последнее время беспорядков в русских заграничных эмигрантских православных кругах, в связи с тем обстоятельством, что русские православные приходы не захотели канонически подчиниться ни одному из посланных Митрополитом Сергием Архиереев. Из этого положения вещей грозили произойти весьма опасные и страшные и страшные [так! — А.М.]

26. Цит. по: Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 626.

27. ГА РФ. Ф. Р1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 514 об.

28. См.: *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 230.

> в виде усиления инославной пропаганды и возобновления антиканонических попыток из Карловиц для подчинения русских православных беженцев своему вредному как в церковном, так и в политическом, во вред Советскому Союзу, влиянию[29].

Вслед за патриархом Фотием архимандрит Василий утверждал, что «на основании канонических правил, всякая Епархия, находящаяся вне пределов той или иной Автокефальной Православной Церкви в Европе, обязана признать юрисдикцию Вселенского Патриарха»[30].

Во втором письме Димопуло писал Смидовичу о поручении ему патриарха Фотия «обратиться во ВЦИК и выразить чувство неизменного уважения и дружбы Вселенского Патриархата к Советской Власти и засвидетельствовать еще раз, что все действия Патриархата направлены к тому, чтобы парализовать вредные зарубежные влияния и пресечь всякое политиканство в находящихся за границей частях русской православной церкви. Вселенский Патриархат не сомневается, что Советская Власть решит вопрос о приезде специальной Комиссии Патриархата в положительном смысле и в самом непродолжительном времени, которая лично выразит Советскому Правительству чувства искренней преданности и имеет необходимость лично сделать сообщение по некоторым вопросам»[31]. Однако выражению «чувства неизменного уважения и дружбы Вселенского Патриархата к Советской Власти» представители этой самой власти не поверили и спешить с разрешением приезда «специальной Комиссии Патриархата» не стали.

25 июня 1931 г. патриарх Фотий направил митрополиту Сергию письмо с объяснением своих действий в отношении евлогиан, а заодно коснулся темы Предсобора и объединения Московской патриархии с обновленцами:

> Нужно стремиться к созыву Общего Всероссийского Собора, представляющего все тело Святой Русской Церкви и с любовью заботящегося о восстановлении единого канонического управления.

29. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 59–59 об. Автор выражает глубокую признательность А.Л. Беглову, указавшему ему на комплекс документов патриарха Фотия и архимандрита Василия, направленных в 1931 г. П.Г. Смидовичем И.В. Сталину. Документы были выявлены в Архиве Президента Российской Федерации, ныне хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории.

30. Там же.

31. Там же. Л. 58–58 об.

> И для достижения этой боголюбивой цели [...] мы готовы братски содействовать, обращая призыв и совет со стороны Матери Церкви ко всяким там церковным группировкам [...]. И созыв Общего Собора, и восстановление благодаря ему церковного единства необходимы тем более как можно скорее, потому что вскоре, с помощью Божией, 19 июня 1932 года созывается при участии всех Православных Церквей Всеобщий Православный Предсобор, присутствие на котором и возлюбленной великой сестры Русской Церкви столь необходимо и для всех вожделенно, и, напротив, велика будет всеобщая скорбь, если снова не удастся ей представлять себя на нем[32].

Митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский) в письме митрополиту Сергию от 3 августа 1931 г. весьма выразительно прокомментировал этот совет патриарха Фотия («мудрости», как он его язвительно называл) поскорее провести объединительный собор с обновленцами:

> Прекрасно «мудрость» знает, что Собора до этого времени у нас не может быть, не может быть предпринято каких-либо общих надлежащих мер к ликвидации происшедших самочинных отделений; тем не менее, когда огромнейшая часть Православного Тела болеет, не видя деятельного, кроме ничего не значащих слов, сочувствия и посильной канонической помощи от других Сестер, «мудрость» почему-то спешит с созданием предсоборного (присутствия) совещания, как бы не желая, чтобы наша Церковь присутствовала на нем в подобающем ей положении, как бы боясь того, что украшенная мученичеством, богатая исповедничеством и исполненная подвижническими воздыханиями, Она может явиться на своевременно созванном Вселенском Соборе в своем подобающем величии. «Мудрость» спешит возвысить свой авторитет, сделав хоть маленькую, даже на словах попытку придать своей кафедре первенствующее уже не по чести, а по власти значение[33].

32. Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) со Святейшим Патриархом Константинопольским Фотием II и митрополитом Литовским и Виленским Елевферием (Богоявленским), управляющим западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви: Документы из архива Отдела внешних церковных связей Московского патриархата // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 249.

33. Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского), управляющего западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви и епископа Вениамина (Федченкова), бывшего Севасто-

Видя, что митрополит Сергий объединяться с обновленцами не собирается, и понимая, что это грозит сорвать затеваемый Просинод — а, как следствие, и Вселенский собор, — Константинопольский патриарх пошел на обращение за содействием к большевикам. Архимандриту Василию было поручено «просить Советскую Власть о разрешении прибыть в Москву Представителям четырех Патриарших Престолов Востока для совещания с Русскими церковными кругами по вопросу о восстановлении административного единства Русской Церкви и об участии братской Русской Церкви в имеющем собраться [...] Всеправославном Просиноде». Патриарх Фотий писал архимандриту Василию 1 августа 1931 года:

> Из сообщения Вашего Высокопреподобия нам сделалось известным, что Советская Власть, совершенно неожиданно истолковавши неправильно распоряжения Святейшего Патриаршего Вселенского Престола по вопросу о Русских Православных приходах в Европе и о Митрополите Евлогии, — усмотрела в них дух с нашей стороны недружелюбия в отношении к благосостоянию всей Русской Церкви и даже к Государственной Власти, — до такой степени, что заподозрило даже наступившую перемену в до самого последнего момента искреннем отношении Вселенской Патриархии к заграничным церковным делам[34].

Пересылая перевод письма Фотия Смидовичу, Димопуло добавлял от себя:

> Вселенский Патриарх с полною решительностию отвергает предположение о возможности изменения к худшему отношения Вселенской Патриархии к Советской Власти. В действительности это отношение всегда было, есть и будет неизменно не только лояльным, но и определенно благожелательным и сочувственным, с постоянной готовностью выявлять такое именно настроение и в соответствующих действиях и распоряжениях. В частности, распоряжения Патриархии по вопросу о временной церковной юрисдикции Вселенской Патриархии в отношении Русских беженских приходов в Западной Европе имело в виду исключительно умиротворение и успокоение Русских православных беженцев, в предотвращение возможности подчинения

польского: Документы из архива Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата // Церковь и время. 2001. № 3 (16). С. 284–285.

34. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 56.

> их влиянию и юрисдикции Римского Папы, стремящегося достигнуть унии не только с Русскими беженцами заграницей (приблизительно до 6 миллионов), но и с православными, находящимися в пределах СССР, — чем, конечно, преследуются не столько религиозные, сколько политические цели, в явный вред Советскому Союзу[35].

Сам патриарх Фотий также описывал, как он противостоит попыткам склонить русскую диаспору к переходу в католицизм, что якобы и было его главным побудительным мотивом принять в свою юрисдикцию евлогиан. В частности, ссылаясь на газету «Фигаро», он указывал на строительство «большого униатского храма в Париже для Русских» и далее продолжал:

> Эти разъяснения и заверения, надеемся, убедят всех, находящихся в России, что деятельностью Патриархии ни в отношении Русской Церкви не совершено чего-либо затрагивающего или умаляющего ее права, ни в искреннем расположении Патриархии к Советской Власти, выявленном с самого начала, не произошло никакой перемены. Вследствие этого, Патриархия убеждена, что не только прекратятся возникшие из явного недоразумения подозрения, но также и в том, что Советская Власть, прекрасно оценивающая полное уважения и искренности расположения к ней Православной Церкви, явно проявившееся как и в деятельности Вселенской Патриархии в отношении к Советской Власти, так и со стороны всех церковных кругов в России, поскольку все эти круги декларировали полную свою политическую лояльность, — что Советская Власть, приняв все это во внимание, соблаговолит в каждом случае благосклонно относиться к церковным вопросам Православной Церкви и исполнить горячие просьбы, чтобы Русская Православная Церковь могла иметь организованное и солидное Представительство в предстоящем Православном Просиноде[36].

В последних словах — подчеркнутых, по-видимому, Смидовичем — и выражался главный на тот момент интерес Константинопольской патриархии.

Вскоре обозначилась и еще одна причина заинтересованности Фанара в Русской церкви. Помимо Вселенского собора, важнейшей целью Константинопольской патриархии в те годы было заключение унии с англиканами. 18 августа 1931 г. патриарх Фо-

35. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 55.
36. Там же. Л. 57.

тий написал архимандриту Василию, что 15 октября в Лондоне собирается «Православная Догматическая Комиссия», чтобы «встретиться и совместно поработать с Комиссией Англиканской Церкви, составленной из наиболее авторитетных иерархов и богословов Англиканской Церкви по вопросу о догматических различиях, разделяющих две Церкви, с целью подготовить дело сближения и соединения этих Церквей» (Василий Димопуло отправил русский перевод письма Смидовичу, которому, судя по всему, и принадлежат подчеркивания). Далее Фотий II сообщал:

> Все православные Автокефальные Церкви уже избрали — каждая по одному особому представителю в состав этой Православной Догматической Комиссии. Ввиду необходимости и желательности представительства и от братской Русской Церкви, было мнение и стремление, чтобы дело устроилось [...] приглашением кого-либо из находящихся за границей русских беженских Архиереев.
>
> Однако ж, так как надлежит, чтобы представитель Русской Церкви представлял действительную Великую Русскую Церковь, с соблюдением в полной мере ее авторитета, то мы настоящим письмом спешим предложить Вашему Высокопреподобию, чтобы Вы обратились к вождям двух великих тамошних церковных частей, Патриаршей и Синодальной, и выразили наше желание и просьбу, соответствующие мнению и желанию также и прочих братских Церквей, чтобы 1) или общим братским соглашением обоих названных церковных частей был избран, в возможно кратчайший срок, сообща ими обоими один общий представитель всей Русской Церкви [...] 2) или, если это невозможно, чтобы был избран отдельно от каждой из двух церковных частей один особый представитель, причем об избрании двух, в виде исключения вместо одного, представителей Русской Церкви также должны мы получить незамедлительно уведомление, или же 3) наконец, если и это невозможно, каждая из двух церковных частей возложила представительство в этой комиссии на нашего представителя в этой комиссии, или же на представителя другой братской Церкви[37].

Архимандрит Василий, понимая, где будет приниматься решение об отправке русской делегации в Англию, обратился не только к «вождям двух великих церковных частей», но и к Смидовичу с просьбой «не отказать в разрешении осуществить Православной Церкви в СССР свое представительство в Лондоне, для поддер-

37. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 51–51 об.

жания и укрепления авторитета Русской Православной Церкви в ряду других Православных и Инославных Церквей и для фактического доказательства действительно существующей в СССР внутренней свободы религиозной совести»[38]. Судя по подчеркиваниям, последний аргумент привлек внимание Смидовича, однако решающим он не стал. 16 сентября 1931 г. возглавляемая им комиссия при ВЦИК постановила: «Принять к сведению сообщение тов. Тучкова об отказе Патриаршей и Синодальной Церквей принять участие в Лондонской догматической комиссии»[39].

Причины отказа Русской Церкви от участия в «Догматической Комиссии» были обстоятельно изложены митрополитом Сергием в письме архимандриту Василию от 30 сентября 1931 г. (опубликованном затем в «Журнале Московской патриархии»):

> Догматическая Комиссия [...] является далеко не первым, а скорее одним из последних, если не прямо завершительным шагом Вселенской Патриархии по пути к соединению с англиканской церковию. Это дело ведется уже не один год, и Вселенской Патриархией (как и некоторыми другими автокефальными Православными церквами) в целях того же соединения приняты весьма важные решения. Нам известно, напр[имер], о признании англиканской иерархии. Между тем Русская Православная Церковь не только не приглашалась высказать свое мнение по тому или другому обсуждаемому догматическо-каноническому вопросу, но и не была своевременно и в надлежащей полноте осведомляема о принятых уже решениях. [...] Казалось бы, Русская наша Церковь и по числу своих пасомых, и по своему значению в православном мире заслуживала в данном деле более внимательного к себе отношения со стороны Матери-Церкви Константинопольской, и голос нашей Русской церкви, своевременно выслушанный, едва ли был бы лишним при решении столь важного вопроса. [...] Теперь нас приглашают, но мы уже не можем и не считаем удобным принять это приглашение, чтобы потом не оказаться пред каким-нибудь неожиданным для нас совершившимся фактом и не нести ответственности за решение, разделять которое по совести мы не будем[40].

38. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 50.

39. Там же. Л. 54.

40. Ответ Заместителя на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии и в предсоборном всеправославном собрании (ПРОСИНОД) // Журнал Московской патриархии. 1932. № 7–8. С. 6.

Митрополит Сергий выражал опасение, что результатом «будет не подлинное единство англикан с Церковью, а лишь внешний, так сказать, дипломатический союз, прикрывающий внутреннее расхождение». Хотя отказ Русской церкви от унии с англиканами соответствовал интересам советской власти, ответ митрополита Сергия архимандриту Василию очевидным образом имел не только политическую, но и религиозную мотивацию, основанную на убеждении, что «только наша Православная, уцелевшая на Востоке Церковь есть Церковь Христова», и по этой причине «вопрос о соединении церквей требует величайшей осмотрительности»[41].

В письме самому патриарху Фотию от 15 октября 1931 г. в ответ на призывы к миру с обновленцами митрополит Сергий резонно заметил, что «путь, избранный к водворению мира, едва ли можно признать целесообразным. Пренебрегать авторитетом местной церковной власти и систематически оказывать “защиту” лишь элементам самочинствующим значит не водворять мир в автокефальной церкви, а старательно его разрушать»[42]. Митрополит Елевферий после этого разослал предстоятелям православных поместных церквей, в частности Сербскому патриарху Варнаве, письма с пояснением этих слов митрополита Сергия:

> Факты этой «систематической защиты» всем известны — покровительство Константинопольской Патриархии живоцерковникам и обновленцам в России вплоть до предложения блаженной памяти Патриарху ее Тихону в угоду им отказаться от власти и отдать ее этим самочинникам, закрепление откола от Русской Церкви епархий финляндской, эстонской, дарование Польской Церкви автокефалии и, наконец, пока последний по времени — присвоение, хотя и временное, Ее Западноевропейских приходов[43].

Тем временем подготовка к Просиноду шла своим чередом. Патриарх Фотий по-прежнему надеялся увидеть на нем обновленцев, но при этом находил поддержку далеко не у всех предстоятелей

41. Ответ Заместителя на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии и в предсоборном всеправославном собрании (ПРОСИНОД). С. 6–7.

42. Послание Заместителя Константинопольскому Патриарху // Журнал Московской патриархии. 1932. № 7–8. С. 2.

43. Его Святейшеству, Архиепископу Печскому, Митрополиту Белградо-Карловацкому, Патриарху Сербскому Кир-Варнаве // Голос Литовской Православной Епархии. 1932. № 2. С. 32–33.

православных церквей. Так, патриарх Сербский Варнава 14 февраля 1932 г. писал митрополиту Елевферию:

> По дошедшим до нас случайным сведениям, Вселенский Патриарх имеет намерение пригласить к участию в предстоящем Просиноде, независимо от представителей Тихоновской церкви, также и представителей так называемой «Живой церкви»... Но мы с нашими боголюбезными архипастырями считаем «живоцерковников» нарушителями св. канонов и отступниками от чистоты истинного православия[44].

Конечно, решать самостоятельно, ехать или не ехать на Афон, ни Московская патриархия, ни обновленческий синод в советских условиях не могли. Вопрос этот рассматривался Комиссией по вопросам культов при ВЦИК. Если поездка русской делегации в Лондон комиссией безоговорочно отвергалась, то в отношении Просинода у нее такой ясности не было. По этой причине решено было запросить высшую партийную инстанцию. В сентябре 1931 г. П.Г. Смидович представил Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину развернутый доклад на этот счет с приложением документов (главным образом писем архимандрита Василия и патриарха Фотия)[45]. Первым пунктом Смидович информировал Сталина, как об «исчерпанном вопросе», про отказ Русской церкви от объединения с англиканами:

> Совершенно очевидно, что Советская Власть заинтересована в том, чтобы такого рода сближение и соединение не имело место. Отсутствие делегатов Российских православных церквей срывает эту попытку. Надо было принять меры к тому, чтобы обставить отсутствие делегатов надлежащим образом. Ввиду того, что приглашение к участию в «Догматической Комиссии» было одновременно направлено руководителям староцерковников и обновленцев, были приняты меры, чтобы эти руководители от своего лица в надлежащей форме отклонили это предложение. Это было своевременно достигнуто.

Второй пункт доклада Смидовича Сталину касался именно вопроса о Просиноде. Начинался он с небольшого, но примечательного вступления: «В Москве постоянно проживает официальный

44. Его Высокопреосвященству, Митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию // Голос Литовской Православной Епархии. 1932. № 2. С. 30.

45. Доклад частично опубликован (см.: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 627–628), но с существенными неточностями, а поэтому здесь цитируется по архивному подлиннику.

представитель “Вселенского Патриарха” архимандрит ДИМОПУЛО. Эта связь используется с пользой для дела». Видимо, ранее Сталину не докладывали, каким «полезным для дела» был архимандрит Василий. Далее Смидович продолжал:

> Однако за все эти годы не допускались ни выезды представителей православных церквей к патриарху, ни въезд иных представителей патриарха в СССР, чего патриарх неоднократно добивался. Патриарх всемерно старается сохранить связь с Советской властью и с православными церквами, и эти старания приводят к тому, что линии антисоветской он не ведет открыто и в «крестовых походах» не участвует, хотя в то же время с эмигрантским православным духовенством связан, ведет свою игру, подрывая влияние и значение за границей митрополита Сергия, местоблюстителя патриаршего престола в Москве, — чем вредит нашей линии.
>
> Сессия Просинода имеет целью полное освещение положения православных церквей в СССР, восстановление «административного единства Русской церкви» (воссоединение староцерковников с обновленцами) и урегулирование взаимоотношений православных церквей внутри и вне пределов СССР. Сессия Просинода состоится и без представителей «Российских православных церквей». Надлежащее представительство повело бы к благоприятному, с нашей точки зрения, течению работ сессии. Однако такое представительство организовать при настоящих условиях очень трудно. Отсутствие представительства вывело бы окончательно работу в Константинополе из-под нашего влияния и могло бы поставить вселенского патриарха на антисоветский путь. Ввиду приближения срока созыва Просинода вопрос этот необходимо решить теперь же. Комиссия по вопросам культов просит ЦК ВКП(б) дать в ближайшем времени директиву по этому вопросу. В случае положительного решения его, надо иметь достаточно времени, чтобы организовать надлежащим образом представительство православных церквей на сессии просинода[46].

Логика предложения Смидовича понятна: по сути дела, откликаясь на призыв патриарха Фотия, он просил Сталина санкционировать административное объединение «староцерковников и обновленцев» с тем, чтобы они совместно организовали «надлежащее представительство» на Просиноде для его прохождения в нужном советской власти ключе. Никаких резолюций Сталина на докладе нет, и это

46. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 45–48.

можно понять так, что санкции на участие русской делегации в Просиноде им дано не было, что имело далеко идущие последствия.

Для Московской патриархии негласное сталинское «вето» на Вселенский собор было значительно более благоприятным исходом, чем если бы ее заставили экстренно объединиться с обновленцами и затем проводить на Просиноде просоветскую линию, что только бы дискредитировало Русскую церковь перед другими поместными церквами и способствовало бы усилению доминирования Фанара. Официально же позицию Московской патриархии митрополит Сергий изложил в письме от 12 апреля 1932 г. на имя архимандрита Василия следующим образом:

> Предложенные нам условия избрания депутатов ставят нашу Церковь в совершенно неудобное положение на Просиноде. [...] Нашу Церковь Его Святейшеству [Фотию. — А. М.] угодно рассматривать как неорганизованную церковную массу, не имеющую канонического возглавления. [...] В лучшем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем — даже ответчиков или обвиняемых. Ни то, ни другое не представляется для нас ни приемлемым, ни допустимым. Не имея к тому же решающего голоса, а с этим и возможности законно влиять на постановления Просинода, наша депутация своим присутствием на Просиноде может создать впечатление, будто постановления Просинода приняты при участии нашей Русской Церкви.

Далее в том же письме Заместитель Местоблюстителя высказывался и по поводу внесения в программу Просинода вопроса о разделениях в Русской церкви:

> Русский вопрос есть вопрос прежде всего наш домашний, внутренний, и подлежит разрешению прежде всего самой Русской Церкви. [...] Когда она признает, что вопрос превышает ее силы, она обратится за помощью к Сестрам — Церквам Православным, внесет такой вопрос на их соборное рассуждение. Но на Собор поступить эти внутренне-церковные вопросы могут только по инициативе и решению самой же Поместной Церкви, и отнюдь не помимо ее[47].

Таким образом, патриарх Фотий не смог выполнить данное ему Межправославной комиссией поручение — обеспечить должное

47. Письмо Заместителя Представителю Вселенского Патриарха в СССР Архимандриту Василию Димопуло // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 9–10. С. 1–2.

участие в Просиноде Русской церкви — даже с помощью советской власти. Предсобор не состоялся, причем отменен был в самый последний момент (за шесть дней до начала заседаний). 30 июня 1932 г. архимандрит Василий сообщил митрополиту Сергию, что «открытие заседаний Просинода, предполагавшееся 19 июня с.г. на св. горе Афонской, по инициативе Вселенской патриархии, откладывается. Отсрочка эта вызвана настоятельной необходимостью присутствия на Просиноде представителей всех автокефальных церквей, которое к настоящему моменту не могло быть осуществлено»[48].

Свой комментарий по поводу откладывания Просинода дал в письме митрополиту Сергию от 6 июля 1932 г. и митрополит Елевферий: «Из некоторых заграничных источников выяснилось, что главною причиною неудачи с Просинодом был отказ Русской Церкви от участия в нем; за нею отказались Сербская, Румынская, Кипрская и Греческая (Элладская)». Литовский митрополит расценивал срыв Просинода как «первый (вероятно) добрый плод» деятельности митрополита Сергия «уже для всей Православной Вселенской церкви» и писал ему:

> Думаю, что Вы откажетесь от представительства своей Церкви, если Константинопольский Патриарх вздумает осенью повторить свое решение созвать Просинод, если бы даже на этот раз он не сделал той же своей ошибки, представляя Русскую Церковь церковною массою без канонического ее возглавления, ибо едва ли от того изменятся недружелюбные чувства его к Русской Церкви, которые, к сожалению, проявляются к ней со стороны Константинополя, даже если бы мы и не хотели в них видеть недружелюбия, а только повод некстати проявить свою мегаломанию[49].

Примечательно, что это письмо митрополита Елевферия — скорее личное, чем официальное, написанное далеко не в самом политкорректном по отношению к Фанару тоне — было опубликовано в «Журнале Московской патриархии». Тем самым митрополит Сергий давал понять, что позицию митрополита Литовского полностью разделяет и «мегаломании» фанариотов не сочувствует.

48. Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при Нем Патриаршего Синода // Журнал Московской патриархии. 1932. № 11–12. С. 2.

49. Там же. С. 2–3.

Итог всех вышеописанных перипетий довольно парадоксален. Константинопольская патриархия в своей экспансионистской политике пыталась опереться в том числе на советскую власть, но в результате настроила против себя и большевистское руководство, что опосредованно привело в 1930-е гг. к срыву организуемых Фанаром межправославных и экуменических форумов. Русская же церковь, поставленная атеистической властью в предельно стесненное положение и не имевшая возможности быть надлежащим образом представленной на намечаемом Вселенском соборе, благодаря отсутствию санкции Сталина на ее участие в Просиноде не оказалась там в неудобном положении «не то просительницы, не то обвиняемой». Русский фактор, несмотря на попытки греков его нивелировать, вполне проявил себя. Конституировать механизм гегемонии Константинополя посредством нового Вселенского собора не удалось.

Библиография / References

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Ф. Р1235 — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Ф. 3 — Политбюро ЦК КПСС (1952–1990 гг.)

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 89 — Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943).

Литература

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.

Ермилов П. В. Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 256–275.

Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского), управляющего западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви и епископа Вениамина (Федченкова), бывшего Севастопольского: Документы из архива Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата // Церковь и время. 2001. № 3 (16). С. 271–300.

Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) со Святейшим Патриархом Константинопольским Фотием II и митрополитом Литовским и Виленским Елевферием (Богоявленским), управляющим западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви: Документы из архива Отдела внешних церковных связей Московского патриархата // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 229–262.

История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). В 2 т. / Подгот. изд., предисл и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь, 2015.

Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011.

Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011.

Мазырин А.В. Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.

Мазырин А.В. «Восьмой Вселенский Собор» и обновленческий раскол в России // XXV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2015. С. 124–135.

Митрополит Никодим (Ротов) и всеправославное единство / Сост. прот. В. Сорокин. СПб., 2008.

Покровский Н.Н. Предисловие // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. Кн. 1. Новосибирск–М., 1997. С. 7–109.

Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014.

Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.

Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. 2002. № 2 (19). С. 54–199.

Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000.

Archival Materials

The State Archive of the Russian Federation (GA RF).

F. R1235 — All-Russian Central Executive Committee of Soviets of workers', peasants' and red army deputies (VTSIK).

The Russian State Archive of contemporary history (RGANI).

F. 3 — The Political Bureau of the Central Committee of the CPSU (1952–1990.)

The Russian State Archive of socio-political history (RGASPI).

F. 89 — Yemelyan Mikhailovich Yaroslavsky (1878–1943).

Literature

Ermilov, P.V. (2015) "Konstantinopol'skaia Pravoslavnaia Tserkov', 1908–1948 gg.]" [Constantinople Orthodox Church, 1908–1948], *Pravoslavnaia entsiklopediia* 37: 256–275.

Gubonin, M.E. (1994) *Akty Sviateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943* [The Acts of his Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and all Russia, latest documents and correspondence on the canonical succession of the highest Church authorities, 1917–1943]. Moscow.

"Iz perepiski Zamestitelia Patriarshego Mestobliustitelia mitropolita Nizhegorodskogo Sergiia (Stragorodskogo), mitropolita Litovskogo i Vilenskogo Elevferiia (Bogoiavlenskogo), upravliaiushchego zapadnoevropeiskimi prikhodami Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i episkopa Veniamina (Fedchenkova), byvshego Sevastopol'skogo: Dokumenty iz arkhiva Otdela vneshnikh tserkovnykh snoshenii Moskovskogo Patriarkhata" ["From the correspondence of the Deputy Patriarchal Locum Tenens Metropolitan Sergius

of Nizhny Novgorod (Stragorodsky), Metropolitan of Lithuania and Vilna Elevfery (Epiphany), Western European control of the Russian Orthodox Church and Bishop Benjamin (Fedchenkova), former Sevastopol: documents from the archives of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate"] (2001), *Tserkov' i vremia* 3(16): 271–300.

"Iz perepiski Zamestitelia Patriarshego Mestobliustitelia mitropolita Nizhegorodskogo Sergiia (Stragorodskogo) so Sviateishim Patriarkhom Konstantinopol'skim Fotiem II i mitropolitom Litovskim i Vilenskim Elevferiem (Bogoiavlenskim), upravliaiushchim zapadnoevropeiskimi prikhodami Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Dokumenty iz arkhiva Otdela vneshnikh tserkovnykh sviazei Moskovskogo Patriarkhata" ["From the correspondence of the Deputy Patriarchal Locum Tenens Metropolitan Sergius of Nizhny Novgorod (Stragorodsky) with the Patriarch of Constantinople Photios II and Metropolitan of Lithuania and Vilna Eleutherius (Epiphany), manager of the Western European parishes of the Russian Orthodox Church: Documents from the archives of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate"] (2002), *Tserkov' i vremia* 2(19): 229–262.

Kostriukov, A.A. (2011) *Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1925–1938 gg.: Iurisdiktsionnye konflikty i otnosheniia s moskovskoi tserkovnoi vlast'iu.* [Russian Orthodox Church in 1925-1938 gg .: Jurisdictional conflicts and relations with the Moscow church authority]. Moscow.

Kurlandskij, I.A. (2011) *Stalin, vlast', religiia* [Stalin, power, religion]. Moscow.

Lobanov, V.V. (2014) *Protokoly Komissii po provedeniiu otdeleniia tserkvi ot gosudarstva pri TsK RKP(b)–VKP(b) (Antireligioznoi komissii). 1922–1929 gg.* [The protocols of the Commission of the execution of the separation of Church and state under the Central Committee of the RCP(b)–VKP(b) (Anti-Religious Commission). 1922–1929]. Moscow.

Mazyrin, A.V. (2015) "«Vos'moi Vselenskii Sobor" i obnovlencheskii raskol v Rossii", ["Eighth Ecumenical Council "and renovationist split in Russia"], in *XXV Ezhegodnaia Bogoslovskaia konferentsiia PSTGU*, pp. 124–135. Moscow.

Mazyrin, A.V. (2015) "Patriarkh Tikhon i Konstantinopol'skaia Patriarkhiia: k voprosu o prichinakh fakticheskogo razryva otnoshenii" ["Patriarch Tikhon and the Patriarchate of Constantinople: to the question of the causes of actual rupture of relations"], *Vestnik PSTGU* II. 6 (67): 9–37.

Pokrovskii, N.N. (1997) "Predislovie" ["Foreword"], in *Arkhivy Kremlia. Politbiuro i Tserkov': 1922–1925 gg. V 2 kn. Kn. 1.* Novosibirsk–Moscow.

Put' moei zhizni: Vospominaniia Mitropolita Evlogiia, izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi (1947) [The path of my life: Memoirs of Metropolitan Eulogius, outlined in his stories by T. Manukhina]. Parizh.

Sidiakov, Y.L. (2015) *Istoriia v pis'makh: Iz arkhiva sviashchennomuchenika arkhiepiskopa Rizhskogo Ioanna (Pommera).* [History in letters: From the archives of the Holy Martyr Archbishop of Riga John (Pommer)]. Tver.

Skobei, G.N. (2002) "Mezhpravoslavnoe sotrudnichestvo v podgotovke Sviatogo i Velikogo Sobora Vostochnoi Pravoslavnoi Tserkvi" [Inter-Orthodox cooperation in the preparation of the Holy and Great Council of the Eastern Orthodox Church], *Tserkov' i vremia* 2 (19): 54–199.

Sledstvennoe delo Patriarkha Tihona: Sb. dok. po materialam TsA FSB RF [Investigation case of Patriarch Tikhon: Coll. Doc. Materials CA FSB] (2000). Moscow.

Sorokin, V. (2008) *Mitropolit Nikodim (Rotov) i vsepravoslavnoe edinstvo* [Metropolitan Nikodim (Rotov) and the Pan-Orthodox unity]. S.-Petersburg.